

УДК 811.161.1'33:343

М. А. Грачев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,

А. М. Грачев

Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ КАК НАУКИ

Статья посвящена проблемам лингвокриминалистики как раздела науки о языке. При этом рассматриваются ее основные составляющие, практическое применение лингвистических данных в судебных экспертизах. Отмечается, что лингвистические знания крайне необходимы сотрудникам правоохранительных органов. В статье подчеркивается значимость и важность фоноскопических экспертиз для судебных органов.

Лингвокриминалистика, экспертиза, язык, субкультура, идентификация, оскорбление, негативная информация, фоноскопия.

The article is devoted to the problems of linguovocriminalistics as the section of science of the language. Meanwhile the main components and the practical use of the linguistic data in judicial expertise are considered. The idea of the importance of the linguistic knowledge for the workers of law enforcement agencies is emphasized. The article underlines the significance of phonoscopic expertise for law enforcement agencies.

Linguovocriminalistics, expertise, language, subculture, identification, insult, negative information, phonoscope.

Введение.

В связи со стремлением России к демократии и правовому государству усиливается роль новых лингвистических дисциплин, связанных с юридическими основами. Появились новые дисциплины (см., например, «Введение в лингвокриминалистику», «Лингвистические аспекты криминальной субкультуры» и проч.), объединенные общим понятием *лингвокриминалистика*.

Термин *лингвокриминалистика* имеет три значения:

- 1) раздел науки о языке, изучающий текст для юридических целей;
- 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз;
- 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры.

Некоторые ученые (например, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев) используют термин *юрислингвистика*, понимая под ним первые два значения термина *лингвокриминалистика*. Однако, на наш взгляд, понятие *лингвокриминалистика* включает в себя также анализ элементов *субкультуры криминального мира*: арго, тарабарский и условный язык, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, пословицы и поговорки. Существует мнение, что основная задача лингвокриминалистики – исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по ее лингвистическим особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом лингвис-

та-эксперта. Лингвокриминалистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – составление лингвистических экспертиз, «...право также ищет ответы на многие вопросы в языке» [4, с. 259].

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основную часть при подготовке специалиста-лингвокриминалиста. Но, думается, основы знаний по лингвокриминалистике должны иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О. Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она считает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащенность ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [7, с. 16].

Основная часть.

Наиболее распространенные судебные лингвистические экспертизы связаны с оскорблением и негативной информацией (защите чести и достоинства), установлением авторства, содержание понятия товарного знака.

На практическое использование лингвистических данных правоохранителей указывает исследователь Е. И. Галяшина. «Специальные познания в лингвистических дисциплинах, – подчеркивает она, – способствуют извлечению из речевого сообщения раз-

нообразных фактологических и личностных данных участников переговоров и другой криминалистически значимой информации» [3, с. 17].

Перед лингвистом-экспертом стоит много нерешенных вопросов. Не будет откровением то, что самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких – нет, как относится к жаргонно-арготическим словам-инвективам с точки зрения определенных социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка классификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления, защите чести и достоинства. Им нужны конкретные примеры. Некоторые исследователи-лингвисты предлагают составить словарь, где «должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, *оскорбительное, неприличное, негативно-оценочное* и пр.), отражающая градацию инвективности» [9, с. 54]. Несомненно, такой словарь можно составить. Но тут же возникнет вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. Рассуждения выше не означают, что авторы статьи против создания словаря инвективов. Наоборот, данный словарь необходим как языковедам, так и юристам. Трудность заключается в приведении к каждой инвективе большого количества примеров, т. е. нужны конкретные иллюстрации, где в одном случае слово может быть оскорблением, а где может выступить в другой функции. Однако эта преграда преодолима: нужно использовать наиболее распространенные речевые ситуации.

Исследователь В. И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т. е. в социальных группах одинаковые слова могут восприниматься по-разному [5, с. 293]. Несомненно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и мораль определенных социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого уголовника *помойкой* или *иваброй*, – это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в преступном мире эти слова являются очень сильными инвективами, т. е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, нанося ему при этом страшное оскорбление.

Трудность может возникнуть при определении характера вербального оскорбления, которое связано с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* – гомосексуалист), *акробатом* – пассивным

гомосексуалистом, *парафином* – человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным*. В уголовной среде данные лексемы считаются явными оскорблениями, а в законопослушной они будут либо непонятными в определенном контексте, либо восприняты как общенародные.

Думается, что при написании ряда лингвистических экспертиз следует использовать исторический аспект. Например, исследователи-эксперты при анализе оскорбительных слов часто игнорируют диахронию, однако известно, что уже до революции у юристов было понятие оскорбительных слов, например, профессионал-инвектив, интеллект-инвектив, социоморальных инвектив, каламбур-инвектив, полит-инвектив, сакрал-инвективы.

При судебных лингвистических экспертизах возникают вопросы, связанные с уточнением языкового характера товарного знака. Иногда приходится решать вопросы, связанные с неправильной формулировкой в законодательстве.

Главным объектом исследования лингвокриминалиста является *текст*. Под ним обычно понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [8, с. 507]. Как видно из определения, текстом можно считать и иллюстрации, и различного рода дорожные знаки, и условные знаки моряков и проч. То есть любую информацию, имеющую систему. Любой текст (а значит, и любая информация) появляются и существуют в определенном социально-культурном пространстве. Именно оно порождает информацию и определяет механизмы ее интерпретации. Заметим, что параметр времени для них является ключевым.

Очень важной является судебная фоноскопическая экспертиза. Это разновидность судебных речеведческих экспертиз, направленная на установление личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств [см.: 3].

Спецификой судебной фоноскопической экспертизы является то, что для решения многих вопросов эксперт должен обладать широким спектром знаний из разных областей науки и техники (лингвистики и акустики, математики, радиотехники и др.). Объектами фоноскопической экспертизы являются звуковая, особенно речевая, информация, записанная на различных носителях, средства звукозаписи (магнитофоны, видеомагнитофоны, диктофоны, магнитные, оптические и прочие носители и др.).

В последнее время очень активно развиваются разнообразные технические системы определения индивидуальности говорящего по речевым характеристикам. Интерес к решению прикладных задач в этом направлении определяется наличием широкого круга практических приложений, которые могут быть разделены на *два обширных класса*: проверка

прав доступа к различным системам (информационным и физическим): каналы связи, вычислительные системы, базы данных, банковские счета, служебные и индивидуальные помещения ограниченного пользования (секретность, материальные ценности и т. п.), различные устройства и механизмы (транспортные средства, оружие и т. п.) и т. д.

В настоящее время при производстве фоноскопической экспертизы на основе методов лингвистического анализа эксперт устанавливает дословное содержание высказывания, определяет количество говорящих, осуществляет их идентификацию по представленным сравнительным образцам голоса и речи, решает другие вопросы.

С целью получения качественных экспериментальных образцов на фонограмме устанавливаемого лица выявляют индивидуальные лингвистические и фонетические признаки говорящего. При этом материалы, представляемые для сравнительного исследования, должны содержать в первую очередь слова и фразы, в которых наиболее ярко проявляются особенности произношения, патологии речи или иные отклонения от общепринятых норм литературного языка.

При исследовании фонограммы на предмет монтажа наряду с визуальным анализом магнитного носителя магнитооптическим методом, инструментальным изучением, сегодня в обязательном порядке привлекается высокопрофессиональный эксперт с базовым лингвистическим образованием для анализа целостности, связности, непрерывности и естественности записанной звучащей речи.

Типовой задачей лингвистического исследования при идентификации говорящего по речи, записанной на фонограмме, является выявление интеллектуального функционально-динамического речевого комплекса, т. е. устойчивых навыков и умений индивида при порождении высказываний в устной форме. На этой основе осуществляется решение не только идентификационных, но и диагностических задач, связанных с установлением данных о личности говорящего по его голосу и речи [3, с. 124].

В ряде случаев по речи требуется определить не индивидуальность говорящего, а некоторый групповой признак: возраст, наличие того или иного акцента или регионального типа произнесения, наличие патологии голоса и т. п. Этот тип задач возникает в основном при криминалистической экспертизе или контроле каналов связи. Чаще всего решение таких задач опирается на слуховую экспертную оценку анализируемого речевого сообщения и использует автоматические способы анализа только на предварительном этапе или как вспомогательные.

Одной из задач лингвокриминалистики являются: ознакомление сотрудников судебно-правовой системы с методами и приемами толкования текстов, их интерпретацией, объяснение употребления языкового знака, установление авторства текста, выявление плагиата и др. Юрист должен иметь понятие об основных лингвистических процессах, о которых может вестись речь в судебных экспертизах: тавтологии, плеоназме, метафоре, метонимии, лексическом

значении, эвфемизме, типах речевых ошибок и т. д. Он должен хорошо знать те лингвистические термины, которые непосредственно касаются судебной лингвистической экспертизы и суда: *неприличная форма, негативная информация, обценная лексика, инвективная лексика* и др.

Выводы.

В настоящее время становятся действенными комплексные экспертизы, в которых принимают участие специалисты разных областей знаний. Особая роль в них должна отводиться лингвисту-эксперту. Так, при назначении сложной судебно-экономической экспертизы не обойтись без специальных языковых знаний, которые помогут установить личность писавшего документы, идентифицировать текст и проч. Между тем лингвистические вопросы в судебно-экономических экспертизах почти не рассматриваются [см., например: 2, с. 46] и возможная помощь языковедов еще остается невостребованной. Порой комплексные экспертизы, в которых должен участвовать лингвокриминалист, называют «нетрадиционными судебно-психологическими» [1, с. 51].

Все судебные экспертизы криминалисты обычно делят на двенадцать классов:

- 1) криминалистические;
- 2) медицинские и психофизиологические;
- 3) инженерно-технические;
- 4) инженерно-транспортные;
- 5) инженерно-технологические;
- 6) экономические;
- 7) биологические;
- 8) почвоведческие;
- 9) сельскохозяйственные;
- 10) пищевых продуктов;
- 11) экологические;
- 12) искусствоведческие.

Как видим, лингвистическая экспертиза в криминалистике не выделяется в особую отрасль. Она входит в первый класс экспертиз – криминалистических, который включает в себя три вида: А – традиционные криминалистические, формирование которых относится в основном к периоду возникновения и становления судебных экспертиз; Б – экспертизы, формировавшиеся в последние десятилетия XX века; В – различные виды исследований материалов, веществ, изделий, выделяемые в самостоятельный род, также именуемые материаловедческими. К группе экспертиз А относятся: автороведческая; баллистическая; почерковедческая, портретная, технико-криминалистическая экспертиза документов; трассологическая; холодного оружия [см. 6, с. 54–59]. Как видим, в характеристике нет даже упоминания о лингвистической экспертизе. Автороведческая экспертиза юристами рассматривается лишь как один из разрядов криминалистической экспертизы. Данное «неравноправие» должно измениться, так как в настоящее время лингвистические вопросы, требуемые разрешения в юриспруденции, становятся все актуальнее. Не исключено, что лингвистическая экспертиза сможет выделиться в самостоятельную отрасль, так как в ее понятие входят все экспертизы, связан-

ные с текстом. При этом она должна объединять все экспертизы, так или иначе связанные с языком: автороведческую, почерковедческую, документационную, экспертизы, связанные с понятием чести и достоинства, об оскорблении и проч.

Лингвокриминалистика как наука только оформляется, но, как показывает практика, ее востребованность в настоящее время огромна.

Литература

1. Аврамцев, В. В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: традиционные подходы и нетрадиционные аспекты: Учебное пособие / В. В. Аврамцев. – Н. Новгород, 2004.
2. Ванаев, С. Ю. Документальные проверки и судебно-экономические экспертизы по делам о налоговых преступлениях: Практическое пособие / [С. Ю. Ванаев и др.]. – Н. Новгород, 1999.
3. Галяшина, Е. И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств / Е. И. Галяшина // Право и лингвистика: Материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Симферополь, 2003. – Ч. 2. – С. 15–22.

4. Голев, Н. Д. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М., 2002. – С. 257–267.

5. Жельвис, В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / В. И. Жельвис. – М., 2004. – С. 289–298.

6. Зинин, А. М. Судебная экспертиза: Учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. – М., 2002.

7. Кравчук, О. Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Кравчук. – Н. Новгород, 2002.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 507.

9. Матвеева, О. Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования / О. Н. Матвеева // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7–8 декабря 2002 г. Ч. 1 / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М., 2002. – С. 51–55.

УДК 81'276.2

А. А. Елистратов

Челябинский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЖАРГОНОВ

В данной статье затрагивается проблема географической (ареальной и локально-территориальной) вариативности жаргонов. Географически детерминированное разнообразие жаргонизмов является признанным фактом и отображается в словарях субстандартной лексики. Автор доказывает необходимость тщательной практической работы по сбору локально ограниченных жаргонизмов.

Жаргон, сленг, социолект, вариативность, локально-территориальные маркеры, местные жаргонизмы.

The article deals with the problem of geographic (areal, local and territorial) variations of slangs. The geographically determined variety of slangisms is a generally recognized fact represented in substandard dictionaries. The author proves the necessity of thorough practical work to collect locally confined slang words and phrases.

Slang, sociolect, variations, local and territorial markers, local slangisms.

Введение.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, затронув проблему географической дифференциации жаргонов, доказать необходимость признания ареальной и локально-территориальной вариативности в качестве одной из типичных черт их существования. Как отмечал В. М. Жирмунский (1968)¹, «социум, пространство и время – три измерения, в которых изучается язык. То есть язык исследуется в плане своего исторического развития, географической распространности, социальной обусловленности» [10, с. 388].

Основная часть.

В многочисленных работах, посвященных внелитературным формам языка – разнообразным диалек-

там, жаргонам, аргю, тайным языкам и т. п., географически обусловленная закреплённость за какой-то местностью признается ключевым признаком территориальных диалектов, в то время как социальные диалекты, как явствует из их терминологического обозначения, выделяются на основе социальных признаков их носителей, как то – возраста, рода занятий, характера деятельности, социального положения, пола и др. В основу этой диалектной дифференциации традиционно кладется известная дихотомия И. А. Бодуэна де Куртенэ (1904) о двух направлениях языковой области: 1) "горизонтальном", или географическом, связанном с местными говорами; 2) "вертикальным", или социальном, связанном с общественными классами, сословиями, занятиями, образом жизни и т. п.» [2, с. 109]. Дихотомия «горизонтального» (территориального) и «вертикального» (социального) направлений лежит в основе первой в отечественном языковедении словарной дефиниции

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается дата первого издания цитируемой работы.